

Пообедав, Мэри с пачкой рукописей в руках остановилась у дверей кабинета.

Дверь была открыта.

Мистер Беннет сидел в глубоком кресле за письменным столом — в том самом, на которое садился редко, лишь когда брался за чтение для удовольствия. Солнечный свет падал из окна на его плечи, на так и не отложенную книгу в его руках. То была старая книга с потёрренным кожаным переплётом и почти стёршимися золотистыми тисненными буквами на корешке.

Он кивнул на стул напротив:

— Войди, садись.

Мэри вошла, села и положила стопку рукописей на колени.

— Это новая? — спросил он.

— Угу. Второе дело.

— Снова Фрэнсис Уостон?

— Угу. Температура в ледяном погребе.

Мистер Беннет протянул руку.

Мэри передала рукопись.

Он взял её, но не стал сразу читать — сначала взвесил на весах руки, затем взглянул на первые слова на титульном листе. Солнце падало на страницы, на его пальцы. Руки у него были твёрдые, листки он перелистывал медленно, словно обращаясь с чем-то драгоценным.

— Прочитаю сегодня до полудня, — сказал он. — Посидишь здесь или пойдёшь наверх?

Мэри немного подумала:

— Я... я подожду в гостиной.

— Хорошо.

Мэри встала, дошла до двери и обернулась на миг.

Отец уже раскрыл первую страницу.

Солнце падало на бумагу, на его пальцы. Читал он очень внимательно, чуть нахмутив брови, губы его время от времени беззвучно шевелились, будто повторяя нечто про себя. Страницы он перелистывал не спеша — над каждой задерживался на какое-то время.

Мэри прикрыла за собой дверь и вышла.

Она устроилась в гостиной.

Сначала села на стул прямо, выпрямив спину, положив руки на колени, точно пришедшая с визитом гостя. Потом, устав сидеть, прислонилась к спинке. А после пододвинула ноги ближе и вся сжалась в комок на сиденье.

Джейн заглянула к ней посидеть ненадолго.

— Волнуешься? — мягко спросила Джейн.

Мэри кивнула.

Джейн ничего не ответила, лишь протянула руку и сжала её ладонь. Руки у Джейн были тёплые, с тонкими длинными пальцами и аккуратно подстриженными ногтями. Мэри держала её за руку, и ей казалось, что сердце стало биться чуточку спокойнее.

Побыв немного, Джейн ушла — у неё была незаконченная вышивка.

Элизабет прошла мимо, бросила на неё взгляд, приподняла брови и, не сказав ни слова, удалилась.

Мэри осталась сидеть в одиночестве, продолжая ждать.

Время тянулось медленно.

Ещё медленнее, чем в прошлый раз.

Она неотрывно смотрела на дверь кабинета и считала удары собственного сердца. Раз, два, три... Досчитав до пятисот, она остановилась, решив, что считать дальше глупо. Но без счёта она не знала, чем себя занять.

Когда она дошла почти до тысячи, дверь кабинета открылась.

Но это был не отец.

Слуга с подносом — должно быть, забрать остывшую отцовскую чашку.

Мэри снова опустилась на стул.

Солнце неуклонно ползло к зениту. Свет за окном из косого превратился в прямой, а затем стал клониться на запад. Тени в гостиной тоже переместились: с одной стены сползли на другую, от ножек стула перебрались к ножкам стола.

Она не знала, сколько времени провела в ожидании.

Ей вспомнилось, как в прошлый раз отец тоже читал её рукопись долго. Но тогда прошёл лишь день, отчего же теперь казалось, что тянется целая вечность?

А вдруг на этот раз вышло скверно?

Вдруг он бросил читать на середине?

Вдруг...

Дверь кабинета отворилась.

Мистер Беннет стоял на пороге с той самой пачкой бумаг в руке.

Глаза его сияли тем особенным блеском, который Мэри уже видела — когда он дочитал «Отпечатки пальцев на чердаке». Но тогда в этом сиянии сквозило удивление, теперь же оно казалось более глубоким, более весомым.

Он подошёл к ней, остановился напротив.

Мэри поднялась.

— Отец?

— Это дело, — произмолвил он, — лучше предыдущего.

Сердце Мэри отчаянно забилося.

— Температура в погребе, логика распутывания времени, улика, выданная убийцей в самом конце — всё сшито накрепко. — Он смотрел на неё взглядом, смысл которого она не могла постичь. — Как тебе такое вообще пришло в голову?

Мэри приоткрыла рот, но не смогла вымолвить ни слова.

Как пришло? Она и сама не знала. Мысли являлись сами собой, текли подобно ручью, а она лишь успевала записывать их.

Мистер Беннет не стал допытываться. Он опустился рядом с ней на стул, положил рукопись на колени, полистал несколько страниц и закрыл её.

— Скажи-ка мне, — обратился он к ней, — не думала ли ты об издании?

Мэри замерла.

Издание?

Она думала об этом. Разумеется, думала. В те бессонные ночи, в те мгновения, когда она неподвижно глядела на полог кровати, она размышляла об этом бесчисленное количество раз.

Она мечтала увидеть своё имя на обложке. Мечтала, чтобы кто-нибудь читал историю о Фрэнсис Уостон. Мечтала, чтобы те наглецы, что ни в грош не ставят женщин, взяли эту книгу в руки, перелистывали страницу за страницей и помимо своей воли поддались логике, придуманной «женской головой».

Но всё это было бесконечно далеко. Когда она вырастет, когда научится писать ещё лучше, когда обретёт достаточно смелости, чтобы противостоять этому миру.

Но не сейчас.

Ей всего девять лет.

Однако отец спрашивал всерьёз.

— Я думала об этом, — ответила она.

Мистер Беннет кивнул.

— А псевдоним? — поинтересовался он. — Какое имя ты выбрала?

Мэри глубоко вдохнула.

Она думала и над этим. Перебрала множество вариантов. Записывала имена на бумаге, выговаривала их вслух поодиночке и вычёркивала одно за другим. Одни звучали слишком заурядно, другие — чересчур вычурно, третьи выдавали женщину, четвёртые казались слишком мужественными. Ей требовалось имя, по которому никто не смог бы угадать ни мужчину, ни женщину.

На том единственном, что она отобрала в итоге, она остановилась после долгих раздумий.

— Придумала, — сказала она. — Томасон.

Выражение лица мистера Беннета застыло.

— Что?

— Томасон, — повторила Мэри. — Т-о-м-а-с-о-н. Томасон.

Мистер Беннет оглядел её с некоторым недоумением.

— А знаешь ли ты, как зовут меня? — спросил он.

Мэри кивнула.

— Знаю, — ответила она. — Вас зовут Томас.

Брови мистера Беннета взлетели вверх.

— Тогда ты...

— Я знаю, — перебила она отца, слегка скривив уголки рта в улыбке. — Я выбрала это имя именно потому, что вас зовут Томас.

Мистер Беннет остолбенел.

Мэри продолжила — голос её звучал тихо, но твёрдо:

— В нынешнем обществе женщине, пишущей книги, невозможно добиться серьёзного отношения к себе. Мэри Уоллстонкрафт издавалась под собственным именем, и её поносили последними словами, называя гиеной в юбке. И после её смерти те же люди продолжали терзать её память, используя её личную жизнь для опровержения её идей. А мужчины-авторы? Им не о чем беспокоиться — с самого рождения к ним относятся всерьёз.

Мистер Беннет молчал, пристально глядя на неё.

— Именно поэтому мне нужен мужской псевдоним, — продолжала Мэри. — Томасон — звучит как чья-то мужская фамилия, как имя малоизвестного литератора, как любого человека, способного сочинить подобное. Никому и в голову не придёт, что всё это написала девятилетняя девочка, и уж тем паче — женщина.

Она сделала паузу.

— Но если однажды, — промолвила она голосом тихим, словно дуновение ветра за окном, — много позже, когда меня уже не станет или когда этот мир переменится — если тогда кто-нибудь выяснит, что Томасон на самом деле дочь Томаса Беннета... не покажется ли им это забавным?

Мистер Беннет молча глядел на неё долгим-долгим взглядом.

Солнечные лучи пробивались сквозь окно, ложась между ними, касаясь стопки исписанных листов и тех самых слов: Температура в ледяном погребе. Все эти слова Мэри вывела собственной рукой, каждую букву старательно и ровно, потратив на это целых три дня.

И тогда он улыбнулся.

Это была не та яркая улыбка, что прежде. Более глубокая, неторопливая, медленно проступавшая в уголках глаз. Она вовсе не походила на обычную улыбку отца — когда он улыбался прежде, в его выражении всегда сквозило лёгкое лукавство, отстранённость, точно он наблюдал за этим безумным миром со стороны. Но эта улыбка была другой.

В ней не было дистанции.

— Забавно, — повторил он это слово. — Ты считаешь, что это будет забавно?

Мэри кивнула.

— Да, — подтвердила она. — Отец по имени Томас, дочь по имени Томасон. Он прикрывается своим именем как щитом, а она использует его имя, чтобы рассказывать истории, которые хочет поведать. И когда в день разоблачения правда откроется, люди поймут: тот, кто сотворил эти истории, и не думал ничего скрывать. Она поместила его имя на обложку на виду у всех.

Просто никто не сумел разглядеть истину.

Мистер Беннет ненадолго умолк.

За окном щебетали птицы. Вдали на поле кто-то погонял неторопливо бредущих волов.

Затем он протянул руку и опустил её на плечо Мэри.

Ладонь была лёгкой, твёрдой и хранила тепло.

— Ты права, — сказал он. — Это и впрямь забавно.

Мэри посмотрела на него.

— Вы не против?

— Против чего?

— Что я воспользовалась вашим именем?

Мистер Беннет задумался.

— Пожалуй, самую малость, — ответил он.

Сердце Мэри чуть опустилось.

— Но не в том смысле, о каком ты думаешь, — продолжил он, и губы его тронула улыбка. — Я о другом: после обо мне будут говорить только как об «отце того самого великого писателя Томасона», а вся моя собственная жизнь сведется к роли «родителя Томасона». Пожалуй, это и станет моим последним пристанищем.

Мэри замерла, а потом не выдержала и рассмеялась.

Смех этот звучал для неё непривычно — не вежливый, не дежурный, а идущий из самого сердца, сдерживать который она была не в силах.

— Что ж, вам придётся привыкнуть, — отозвалась она.

Мистер Беннет посмотрел на неё и тоже улыбнулся.

В тот день за обедом миссис Беннет заметила, что с отцом и дочерью творится что-то неладное.

Они сидели на разных концах стола, время от времени переглядывались, а после синхронно опускали головы, пряча улыбки и словно бы сдерживая смех.

— Что с вами обоими? — подозрительно осведомилась миссис Беннет, переводя взгляд с одного на другого.

— Ничего особенного, — отозвался мистер Беннет.

— Ничего, мама, — подтвердила Мэри.

Миссис Беннет посмотрела на мужа, потом на дочь и нахмурилась.

— Строите тут какие-то тайны, — пробормотала она. — Что это вы за спиной у меня затеяли, отец с дочкой?

Джейн бросила на Мэри взгляд, в котором читалось лёгкое веселье. Элизабет лишь приподняла брови, но промолчала. Китти и Лидия продолжали ожесточённо делить последнюю порцию оладий на блюде, не обращая ни малейшего внимания на происходящее.

Мэри опустила голову и продолжила есть.

Рука её скользнула в карман, пальцы нащупали пачку рукописей — отец вернул их ей после прочтения. Бумаги слегка помялись от частых перелистываний, уголки нескольких страниц оказались подогнутыми: вероятно, так он отмечал особенно захватившие его места.

Томасон.

Дочь Томаса Беннета.

Имя, которое она выбрала сама.

Тёмной ночью, лёжа в постели, Мэри думала о дневном разговоре.

Отец сказал: «Я о том, что после меня будут звать лишь отцом Томасона». И в ту минуту в его глазах вспыхивал свет.

Это было не настоящее недовольство.

Это была гордость.

Она перевернулась на другой бок, зарылась лицом в подушку, и губы сами собой растянулись в улыбке.

За окном распевал соловей.

Мэри закрыла глаза.

Скоро ли свет увидит первая книга Томасона? Какая она будет на вид? Прочтёт ли её хоть кто-нибудь? Смогут ли читатели угадать, кто скрывается под этим именем?

Но ей уже не терпелось дожидаться.

Не столько саму печатную книгу.

Сколько выражение лица отца, когда он возьмёт её в руки.

На обложке этого тома будут красоваться два коротких слова: Томасон.Глава 16. Издательство

Ранним утром следующего дня, спускаясь вниз по лестнице, Мэри заметила, что отец уже сидит в кабинете.

Она остановилась на пороге, заглянув внутрь. Мистер Беннет расположился за письменным столом, перед которым высились две объемистые папки — плоды всех её трудов за последние месяцы. В одной лежали «Отпечатки пальцев на чердаке», в другой — «Температура в ледяном погребе». Обе рукописи покоились рядом лицевой стороной вверх, сложенные безупречно ровно.

Он вчитывался в какие-то бумаги, слегка нахмутив брови. На столе стояла чашка чая — остывшая, к которой он даже не притронулся.

Мэри тихонько постула в косяк.

— Войди.

Она переступила порог и приблизилась к столу.

— Отец, вы сегодня собираетесь в Лондон?

Мистер Беннет поднял голову и окинул её взглядом.

— Да. Договорился с твоим дядей Эдвардом прогуляться по Пэлл-Мэлл. — Он отложил письмо в сторону и снова бросил взгляд на две стопки рукописей. — Возьмём обе части, так будет лучше сразу всё уладить.

Мэри кивнула.

— У меня есть одна мысль, — сказала она.

Мистер Беннет приподнял брови:

— Какая ещё мысль?

— Насчёт договора.

Он отложил бумаги, откинулся на спинку кресла и устремил на неё взгляд.

— Говори.

Мэри стояла перед ним, сложив руки на груди, стараясь говорить как можно увереннее:

— Я слышала от вас, что здешние издатели обычно выкупают авторские права целиком и навсегда. Автор получает единовременную выплату, а дальше сколько бы книг ни продавалось, он не имеет с этого ничего.

Мистер Беннет кивнул.

— Я так не хочу, — произнесла Мэри.

— О?

— Я хочу процент от продаж, — заявила она. — С каждой проданной книги мне должен идти свой пай. Никаких авансов — только процент.

Мистер Беннет молча разглядывал её какое-то время.

— Ты понимаешь, что это значит? — спросил он. — Если книга не разойдётся, ты не получишь ни пенни.

— Я понимаю.

— А если издатели не согласятся?

— Тогда обратимся к другим, — ответила Мэри. — Найдётся тот, кто согласится.

Мистер Беннет ещё немного помолчал.

— Откуда такая уверенность?

Мэри на мгновение замерла.

Она вспомнила те полуночные часы, оплывающие свечи, исписанные листы бумаги. Вспомнила Фрэнсис Уостон у чердачного окна, холод погреба и того юношу, пришедшего к ней с говядиной в руках.

Она вспомнила Уоллстонкрафт, потоки брани в её адрес и целое столетие клеветы после её смерти.

Затем она подняла голову и посмотрела отцу прямо в глаза.

— Наполовину уверенность, — промолвила она, и уголки её рта чуть дрогнули в улыбке. — Наполовину... желание, чтобы мою книгу увидело как можно больше людей.

Мистер Беннет смотрел на неё очень долго.

Солнечный свет струился из окна, падая между ними и озаряя две толстые стопки рукописей.

После чего он улыбнулся.

— Хорошо. — Он поднялся и аккуратно уложил обе рукописи в кожаный саквояж. — Значит, отправлюсь торговаться за твои «проценты».

Направившись к двери, он обернулся:

— Только предупреждаю тебя: те издатели на Пэлл-Мэлл — те ещё проныры. Пожалуй, мне придётся провести в Лондоне не один день, прежде чем удастся переубедить их.

Мэри кивнула.

— Я не спешу, — сказала она.

Мистер Беннет молча глянул на неё и вышел.

Лондон, улица Пэлл-Мэлл

Покатый экипаж с грохотом катился по мостовой и наконец замер у широкой улицы.

Мистер Беннет выпрыгнул из коляски и огляделся. По обеим сторонам высились солидные каменные дома, чернели чугунные ограды, блестели натёртые до золотого блеска медные таблички на дверях, а за стеклами витрин красовались книги в тисненых переплётках. Прохожие выглядели респектабельно, двигались неспешно, кое-кто останавливался, чтобы указать спутнику на витрину.

— Вот мы и пришли, — подошёл к нему Эдвард Гардинер. — Пэлл-Мэлл. Все самые почтенные лондонские издательства обосновались здесь.

Эдвард, младший брат миссис Беннет, занимался в Лондоне торговлей тканями и слыл человеком дельным и сметливым. Невысокого роста, с прямой осанкой и неизбывной деловой хваткой во взгляде, он сам предложил составить компанию зятю, услышав о его планах.

— Издательство Джона Мюррея как раз впереди, — он указал на серое кирпичное здание на углу.

Мистер Беннет кивнул, достал из саквояжа две рукописные тетради и бросил взгляд на обложку — «Собрание историй о сыщике Фрэнсис Уостон, том первый», а ниже значились названия двух рассказов: «Отпечатки пальцев на чердаке» и «Температура в ледяном погребке».

— Что за птица твой автор? — поинтересовался Эдвард. — Выпускать разом два тома да ещё требовать процентный договор — такого здесь не увидишь.

Мистер Беннет усмехнулся.

— Это новичок, — пояснил он. — Но весьма талантливый.

— Мужчина или женщина?

— Мужчина, — не моргнув глазом ответил мистер Беннет. — Некий мистер Томасон.

Эдвард кивнул и больше расспрашивать не стал.

Они переступили порог первого издательства. Просторный зал, витрины с несколькими дорогими изданиями, золочёные корешки которых ярко блестели на солнце. У входа висела медная доска: Издательство Джона Мюррея.

Через четверть часа они вышли обратно.

— Проценты? — элегантно одетый джентльмен улыбался весьма вежливо, но во взгляде читалось нескрываемое презрение. — Мисье, мы подписываем процентные договоры исключительно со знаменитыми авторами. А новичок? Либо шестьдесят фунтов за оба тома, либо извините.

Второе издательство, третье...

Ответы везде были почти одинаковыми.

— Новичок? Слишком большой риск.

— Проценты? Мы никогда не заключаем подобных сделок.

— Томасон? Никогда не слыхали. Два тома вместе? Восемьдесят фунтов, и ни фартинга больше.

Флит-стрит

Покинув Пэлл-Мэлл и миновав несколько переулков, они вышли на другую, куда более тесную и шумную улицу.

Флит-стрит.

Она разительно отличалась от Пэлл-Мэлл. Вдоль неё теснились печатные мастерские и конторы стряпчих, в воздухе висел густой запах типографской краски и бумаги. Извозчики покрикивали на лошадей, подмастерья бегали взад-вперед с охапками бумаги, а люди в чёрных мантиях — стряпчие и адвокаты — спешили по делам, зажав под мышкой толстые папки с делами.

— Здесь привелегия юридических и религиозных изданий, — пояснял на ходу Эдвард. — Твои сыщицкие истории тут хоть как-то придутся к месту.

Они заглянули ещё в пару издательств.

В одном из них хозяин пролистал рукопись, его глаза даже загорелись, но стоило заикнуться о «процентах», как он тут же замахал руками.

— Любезный друг, неужто вы не ведаете порядков Флит-стрит? Мы печатаем здесь законники для гильдий адвокатов, где всё идет поштучно. Проценты? В нашем ремесле так дела не ведут.

<http://bllate.org/book/22034/2290819>